

ПЕВЕЦ РУССКОЙ СЛАВЫ

ЕСЛИ вспомнить меткое прозвище «Могучая кучка», которое критик В. В. Стасов дал пятерке композиторов — участников новой русской школы, то, вероятно, в первую голову оно относилось к Александру Порфирьевичу Бородину. Именно в его музыке Стасов услышал «великанскую силу, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенные с изумительной страстностью, нежностью и красотой». Величавая музыка Бородина вызывает в нашем представлении громадные просторы России с ее степями и непроходимыми чащами, залитые солнцем башни Кремля, строгие соборы Суздаля и Владимира, древние лики Рублева... В то же время Бородин можно смело считать нашим современником и союзником; это вновь подтвердилось в дни Великой Отечественной войны, когда его Богатырская симфония многократно звучала по радио, как грозный набат, как призыв к стойкости.

Известно, что Бородин был не только музыкантом: его знают как выдающегося ученого-химика, обогатившего отечественную и мировую науку. На памятнике Бородину, установленном на его могиле, выгравированы наряду с музыкальными темами из «Князя Игоря» четыре главнейшие формулы, добытые его химическими исследованиями. Стоит напомнить, что громадные успехи современной промышленности пластмасс могли быть достигнуты лишь благодаря существенным открытиям Бородина в области органической химии. В 70—80 годах прошлого века его хорошо знали в ученых кругах как ближайшего сподвижника Менделеева, Сеченова и Бутлерова, как участника международных конгрессов, воспитателя целой плеяды русских химиков.

И все же слава Бородина-композитора затмила его большую научную славу. Нынче весь мир рукоплещет автору Половецких плясок и Богатырской симфонии, забывая о том, что музыка была для него лишь любимой областью «художественной самодеятельности», которой он посвящал скудные часы профессорского досуга.

Облик Бородина типичен для русских просветителей-шестидесятников. Это было поколение Базаровых и Рахметовых — смелых, деятельных людей, готовых отдать весь свой талант и энергию просвещению народа, преобразованию российской действительности. Научная карьера Бородина была на редкость счастливой: талантливый ученый, он быстро и успешно прошел путь от студента до профессора, корифея русской науки.

И рядом с этим неотступно шла музыка — излюбленное занятие его недолгих отпусков и выходных дней. Еще студентом Бородин увлеклся игрой на виолончели и наивными композиторскими пробами. Он часто встречался с друзьями — такими же страстными любителями музыки, чтобы поиграть квартеты или поспорить о музыкальных новинках.

Можно поражаться упорству молодого химика, который находил время для серьезнейшего музыкального самообразования: писал форте, изучал инструментовку, пробовал свои силы в сочинении романсов, трио, квинтетов. Шаг за шагом овладевал он сложнейшим композиторским мастерством и уже к началу 60-х годов, то есть к тридцатилетнему возрасту, стал настоящим мастером композиции, отнюдь не дилетантом. Именно в это время — в 1862 году Бородин вошел в знаменитое содружество русских композиторов, возглавлявшееся Милием Балакиревым. Вместе с Мусоргским, Римским-Корсаковым, Кюи и Стасовым он включился в активную борьбу за обновление русской музыки, за реализм, народность, идейную глубину и общественную значимость отечественного искусства.

Сам Бородин со свойственной ему скромностью не раз утверждал, что музыка для него — «отдых, потеха, блажь», отвлекавшая его от научной деятельности. «Зимой я могу писать музыку только, когда болен...» писал он одной знакомой. — На этом основании мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятым обычаям, желают мне постоянно не здоровья, а болезни. Так было и нынче на Рождестве — я схватил грипп, не мог заниматься в лаборатории, сидел дома и написал хор славления для последнего действия «Игоря».

Однако высокие совершенство музыки Бородина доказывает, что творчество было для него отнюдь не «блажью», а исключительно важным делом, которому он посвящал всю свою душу. Сколько нужно было иметь истинного энтузиазма, любви к искусству, чтобы с самого рассвета до начала службы сидеть за партитурой и отщипывать каждый такт будущей оперы, оставляя для сна лишь пять-шесть часов в сутки.

Так создавались один за другим великопленные музыкальные шедевры Бородина, которыми по праву гордится русская культура: Первая симфония (1867), с ее ритмической упругостью, волевым напором, серия романсов — частью на собственные стихи, Вторая, Богатырская, симфония, воскрешающая былинные образы русского эпоса (1876), симфоническая картина «В Средней Азии» (1880), два струнных квартета, ряд фортепьянных пьес, наконец, опера на сюжет «Слова о полку Игореве». Каждое из этих произведений — подлинная жемчужина, поражающая нас красотой мелодии, богатством красок, глубиной и мощью чувств. Дух русского эпоса и мудрой сказочности живет в замечательных романах Бородина — «Море», «Спящая княжна», «Песнь темного леса», «Морская царевна». Слушатели легко разгадывали скрытый аллегорический смысл этих вдохновенных картин: «Спящая княжна» — образ дремлющей России, пробуждаемой от векового сна, «Песнь темного леса» — символ непокорной вольницы:

Как та волюшка разгулялася,
Как та силушка расходилася,
На распузу шла волюшка,
Города брала силушка
И над недругом потешалася...

Идея мира и дружбы между народами России и Востока воплощена в симфонической картине «В Средней Азии», изображающей бескрайнюю степь, где слышатся задушевная русская песня и грустный напев кочевника.

Принято было воспринимать Богатырскую симфонию как программную четырехчастную пьесу, рисующую битвы русских богатырей, древние сказы баянов-гусяров и веселье княжьи пиры. Однако же дальней-

шая судьба симфонии показала, что содержание ее значительно шире и обобщеннее: последующие поколения услышали в Богатырской симфонии олицетворение непобедимой России, страны могучего созидания и ратных подвигов.

Любимым детищем Бородина была опера «Князь Игорь», которой он посвятил восемнадцать лет упорного труда (лишь после смерти композитора партитура была окончательно завершена его друзьями — Римским-Корсаковым и Глазуновым). Вслед за «Русланом» Глинки Бородин создал еще один образец русской эпической оперы, воскрешающей картины древней Руси, ее героическую борьбу на южных степных рубежах. «Игорь» стал популярнейшей русской оперой. Бородин стремился в ней к широкой мелодичности, к крупному музыкальному штриху, способному в полной мере передать масштабность изображаемых событий. «Чисто речитативный стиль мне не по нутру...» признавался композитор. — Меня тянет к пению, кантатене.

В музыке «Князя Игоря», как и в симфониях Бородина, поражает счастливое сочетание русской народной основы и неповторимой индивидуальной манеры автора. Мелодии Бородина дышат русской песенностью, хотя композитор почти никогда не цитировал готовых фольклорных источников.

Живя в летние месяцы в деревнях Владимирской, Курской, Костромской, Московской губерний, Бородин жадно впитывал впечатления народной жизни. «Как здесь хорошо! Какие росы, леса, бор, поймы! Что за воздух!» — писал Бородин из деревни Давыдово. — ...Ходи всю жизнь не находишься, гуляй не нагуляешься, гляди не наглядись...» Он с присущим ему юмором описывал свои деревенские увлечения, сближавшие его с народом: «Окромя служения Аполлону... занимаюсь иногда поильными сельскохозяйственными работами, как-то — ворошу и убираю сено, помогаю накладывать снопы, хлыщу рожь, таскаю солому — вообще исполняю то, что поручается мальчишкам и девчонкам, еще не искушившимся в полевой работе...»

И всюду чуткий художник стремился услышать народные песни, их живое звучание: в Павловской слободе, под Звенигородом, знакомится с древними старообрядческими напевами, в Давыдове записывает протяжную «Горы Воробьевские» от местного знатока песен, старика Вахрамеевича... Эти впечатления прочно откладывались в музыкальной памяти композитора, формируя богатейший мир глубоко национальной «бородинской» песенности. Отсюда и лиричная сила Богатырской симфонии, и разгульное веселье арии Галицкого, и древняя печальная красота хора поселян из «Игоря» — одного из самых прекрасных воплощений русского крестьянского многоголосья.

Много замечательных творений мог бы еще создать этот поразительно одаренный человек, если бы внезапная смерть (в возрасте пятидесяти трех лет) не прервала его кипучую деятельность. Это произошло 27 февраля 1887 года. Остались незавершенными не только партитура «Игоря», но и Третья симфония, две части из которой были по памяти записаны Глазуновым.

Музыка Бородина еще при его жизни была с восторгом встречена передовыми людьми России, а также многими зарубежными ценителями, среди которых был великий венгерский композитор и пианист Ференц Лист. Когда Бородин при встрече с Листом скромно назвал себя «воскресным музыкантом» (т. е. музыкантом выходного дня), пылкий Лист остроумно ответил: «Но ведь воскресенье — это все-таки торжественный день. А вы имеете полное право торжествовать!»

И. НЕСТЬЕВ.